

Она только что сказала, что у Цзян Чжисяо скачет давление и слабое сердце, а Цзян Яояо тут же начала шуметь и буянить, пытаясь спровоцировать у него эмоциональный всплеск...

Разве это приемная дочь? Это врага воспитали.

Она переглянулась с Сюэ Динъюанем и Чу Хуншэном, в глазах читалась мольба, после чего она едва заметно кивнула.

Сегодняшний случай она запомнит. Когда здоровье Цзян Чжисяо немного улучшится, она обязательно обсудит с ним проблему Цзян Яояо.

Но сейчас Цзян Чжисяо не выдержит стресса, поэтому придется ненадолго попросить Сюэ Динъюаня и Чу Хуншэна потерпеть.

Эту любезность она также примет.

Сюэ Динъюань и Чу Хуншэн слегка кивнули в ответ, давая Сюй Янь понять, что можно не волноваться.

Цзян Яояо не заметила взглядов этих людей. Она лишь знала, что поездка в больницу не была напрасной и она достигла своей цели, поэтому на ее лице появилась легкая удовлетворенная улыбка.

Хотя Сюй Янь потом наверняка будет жаловаться Цзян Чжисяо, он был мягкосердечен, и к тому же они не могли иметь детей, так что в будущем им все равно придется полагаться на нее.

Раз так, то сейчас они должны понять, что ее не так-то просто обидеть. Лучше бы они научились читать ее настроение. Тогда, когда они состарятся, может быть, она из жалости оставит им место под крышей.

Сюй Янь в этот момент смотрела на Цзян Яояо с легкой насмешкой.

Когда эта девушка только появилась в их доме, она тоже хотела относиться к ней хорошо. Когда они забрали ее, на ней не было живого места — сплошные синяки и ссадины, да еще и заживающие раны.

Тогда она смотрела на нее с жалостью и долго утешала, но чем больше времени они проводили вместе, тем больше понимала, насколько она поверхностна.

Несмотря на то что она вышла из семьи, где презирали женщин, она сама с нескрываемым пренебрежением относилась к ним, считая, что единственная ценность женщины — это способность рожать детей, а неспособность к этому — величайший грех.

Сюй Янь якобы была виновна в этом «первородном грехе», и неважно, были ли другие причины, Цзян Яояо об этом не думала. А Сюй Янь, такая женщина, осмелилась брать вещи из «ее» дома, чтобы помочь своей родне, что было просто непростительно.

Имея такие ошибочные взгляды, она также обладала еще одним ужасным убеждением: женщине достаточно только рожать детей, а больше ничего делать не нужно.

Не нужно учиться, не нужно работать, не нужно развиваться.

Что такое социальные связи? Разве они нужны?

Если она может родить мужчине ребенка, он должен носить ее на руках, должен зарабатывать деньги и содержать ее.

А что касается ее обязанностей — она уже родила ребенка, чего еще от нее хотят?

По крайней мере, ухаживать за ребенком и заниматься домашним хозяйством? Какая шутка, она же родила ребенка! Разве не семья мужа должна заниматься им?

Это были лишь наиболее серьезные недостатки. Сначала Сюй Янь думала, что, возможно, объяснения и наставления помогут, но со временем...

Даже попытки отправить ее в школу вызывали у нее ненависть!

Сюй Янь понимала, что ее терпение не так уж безгранично.

Но сейчас здоровье Цзян Чжисяо было важнее. Она похлопала по плечу Чу Хуншэна и Сюэ Динъюаня и с серьезным выражением лица сказала:

— Спасибо вам за помощь. Ваша доброта не останется незамеченной, дядя Цзян тоже узнает. Идите домой, пожалуйста.

Сюэ Динъюань и Чу Хуншэн кивнули, утешили Сюй Янь несколькими словами и собрались уходить. Цзян Яояо, естественно, снова последовала за ними.

И как только они сели в машину, она с влажными глазами обратилась к Чу Хуншэну:

— Брат Чу...

В ее голосе послышались рыдания.

Цзян Яояо теперь не поддерживала свою высокомерную манеру, а старалась выглядеть как невинный цветок:

— Брат Чу, я... я на самом деле их приемная дочь, они всегда относились ко мне... плохо. Я не хочу учиться, но они заставляют меня, а я боюсь, и они не заботятся обо мне, поэтому я... я только что немного разволновалась. Это потому что я почувствовала, что могу доверять тебе, рядом с тобой я чувствую себя в безопасности, ты дал мне смелость... Пожалуйста, не смотри на меня свысока, я обычно веду себя гордо, но на самом деле мне страшно...

Сюэ Динъюань внутри кипел от раздражения, чуть не ударив кулаком по чему-нибудь.

«Старший брат, е-мое, и такое говорить, это же чисто "мне так плохо, пожалуйста, спаси меня, вытащи из этого ада"...»

Ты, кажется, слишком много мелодрам смотришь!

Потом он подумал: ну да, в наше время как раз популярны такие фильмы, особенно скоро выйдет «Принцесса Хуаньжу».

Но это же художественный фильм. В жизни кто так себя ведет — тот просто идиот!!!

Он уже собирался отчитать Цзян Яояо, как вдруг услышал слова Чу Хуншэна:

— Это меня не касается.

Сюэ Динъюань чуть не захлопал в ладоши.

Чу Хуншэн добавил:

— Я согласился отвезти тебя домой исключительно потому, что учительница Сюй попросила.

Сказав это, он замолчал. Сюэ Динъюань, глядя в зеркало заднего вида, увидел, как лицо Цзян Яояо на мгновение застыло, а затем начало переключаться между притворной жалостью и злобой, словно у нее начались судороги.

Но Сюэ Динъюань все же восхищался Цзян Яояо — ей удалось сохранить выражение жалости на лице:

— Брат Чу, я знаю, что у тебя наверняка есть предубеждения против меня, но я верю, что время покажет, и ты однажды поймешь меня.

Сюэ Динъюань не успел даже съязвить, как Чу Хуншэн резко ответил:

— Я только подвезу тебя на этот раз, знать тебя я не хочу.

Сюэ Динъюань почувствовал огромное облегчение!

Неужели Цзян Яояо действительно считает всех дураками?

Или думает, что, сколько бы плохого она ни натворила, стоит только пофлиртовать, притвориться невинной и доброй, и все можно будет забыть?

Но у нее же нет такой ослепительной внешности, она лишь симпатичная, так что не стоит брать на себя роль роковой женщины, ладно?

Сюэ Динъюань внутренне издевался, а Цзян Яояо на заднем сиденье тихо выдавливала слезы, пытаясь вызвать жалость.

К сожалению, оба человека впереди, хотя и ценили женскую красоту, к ней не испытывали ни капли жалости, только отвращение.

Чу Хуншэн даже увеличил скорость, чтобы скорее доставить ее домой.

Когда она вышла из машины, Цзян Яояо попыталась принять позу одинокой покинутой девушки, чтобы выразить свою обиду на то, что ее никто не понимает.

Но Чу Хуншэн даже не взглянул на нее. Только Сюэ Динъюань, желая узнать, что еще Цзян Яояо выкинет, смотрел через окно.

Убедившись, что ее уловки не сработали, Цзян Яояо наконец ушла. Сюэ Динъюань тут же протянул руку:

— Давай.

Чу Хуншэн не понял:

— Что?

— Дай пять.

Чу Хуншэн...

Хотя это казалось глупым, он все же протянул руку и хлопнул ладонью Сюэ Динъюаня, а затем схватил его руку.

Сюэ Динъюань!!!

Сердце, ну пожалуйста, держись.

Чу Хуншэн поднес ладонь Сюэ Динъюаня к своим глазам и мягко коснулся первой фаланги его среднего пальца:

— Здесь появился мозоль.

Сюэ Динъюань старался сохранять спокойствие:

— Да, я неправильно держу ручку.

Чу Хуншэн еще пару раз провел пальцем по этому месту, прежде чем отпустить руку и снова завести машину. Сюэ Динъюань сжал свою ладонь, слегка почесав средним пальцем внутреннюю сторону — тепло от прикосновения Чу Хуншэна все еще чувствовалось, как и его прикосновение...

Будто кто-то в его сердце мягко щекотал его пером.

Было немного щекотно, настолько, что он чувствовал себя не в своей тарелке, но недостаточно, чтобы понять, откуда это чувство, что вызывало легкое раздражение.

Он поспешно подавил свои навязчивые мысли и сменил тему:

— Скажи, о чем вообще думает такая, как Цзян Яояо?

Чу Хуншэн покачал головой:

— Меня это не интересует.

Действительно, его это не волновало. Что бы Цзян Яояо ни делала или ни думала, это не имело к нему никакого отношения:

— Я не хочу тратить время на таких незначительных людей.

Особенно после сегодняшнего происшествия.

Вчера он еще думал, что это всего лишь вопрос одной поездки, но после сегодняшнего дня, когда здоровье Цзян Чжисяо улучшится, если Цзян Яояо попытается сесть в машину, он просто выгонит ее.

Услышав это, Сюэ Динъюань снова почувствовал внутреннее удовлетворение — Чу Хуншэн так хорошо к нему относился, значит, он для него важен. Потому что если бы человек был не важен, Чу Хуншэн Wouldn't стал о нем заботиться!

Он тихо кашлянул, напоминая себе, что нельзя так думать, нельзя.

Предупреждение начало действовать, как вдруг Чу Хуншэн снова заговорил:

— Даже если бы с самой Цзян Яояо все было в порядке, но если бы ты ее не любил, я бы тоже не любил.

Автор имеет сказать:

Сегодня я почему-то очень застряла в написании, завтра поблагодарю...

<http://bllate.org/book/16745/1562099>